

УДК 378.245:808.53]:930 (47+57) «192»

Н. В. Гришина

**ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ДИСПУТЫ КОНЦА 1920-х гг.:
СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ
НОРМАТИВОВ (НА ПРИМЕРЕ ДИСПУТОВ
Н. М. ДРУЖИНИНА И А. И. НЕУСЫХИНА)¹**

Статья посвящена изучению трансформации диссертационной системы на протяжении 1920-х гг. В ней рассматривается проблема преемственности формирования научных кадров в дореволюционной и советской науке. На примере диспута Н.М. Дружинина, в статье анализируется проблема формирования нового канона ведения научной дискуссии.

Ключевые слова: научные кадры, аспиранты, Н. М. Дружинин, А. И. Неусыхин, диспуты, марксизм.

Предварительные замечания

Первое десятилетие советской власти прочно вошло в историографию под названием времени «большого (большевистского) эксперимента», когда до неузнаваемости реформировались все стороны общественной жизни. Не исключением стала система формирования научных кадров.

После отмены ученых степеней и званий в 1918 г., реорганизации факультетских структур и других кардинальных преобразований, предпринятых советской властью в 1920-е гг., наступил период некоторого анабиоза, сопровождавшегося ожиданием формирования новых институционально-нормативных контуров научной системы. Замедление научного ритма в диссертационной политике не привело к полному свертыванию привычных норм научного быта. Официальные защиты диссертаций продолжались и в 1919 году. Именно в это время в Киевском университете защитил

¹ «Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (Проект № МК-1810.2013.6) и Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ (Проект № ФПНИ-06.6-24-14).

магистерскую работу П. П. Смирнов, а Е. Д. Сташевский стал доктором русской истории. Неофициальные диспуты проходили на протяжении всего десятилетия, особенно многочисленными они были в первой половине 1920-х гг.[1, с. 77–89]. Несмотря на то, что такие диспуты не играли решающей роли при получении должности и права преподавания, они сохраняли свою актуальность для молодых ученых, т.к. обеспечивали им научное признание, создавали определенную профессиональную репутацию.

Несмотря на то, что вопрос о восстановлении ученых степеней дискутировался на протяжении всего десятилетия (выступления В. П. Волгина, О. Ю. Шмидта), а в некоторых республиках СССР докторская степень сохранялась, диссертационная система была восстановлена лишь к середине 1930-х гг. Промежуточным звеном в этом процессе стал институт аспирантуры. В нем на повестку дня были поставлены защиты аспирантских сочинений, дававшие соискателям различные права в области науки и преподавания. По завершении обучения в аспирантуре, которое охватывало временной промежуток в 3-4 года, к концу 1920-х гг. можно было ждать серии защит аспирантов. Однако этого не произошло в силу очередной реформы высшего образования.

Изменения научного климата, начавшиеся в 1927–1928 гг., привели к свертыванию планируемых защит аспирантских сочинений. В исторической науке, пожалуй, известно только о двух диспутах, произошедших в конце 1920-х гг., – Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина. Н. М. Дружинин в воспоминаниях писал, что «после появления статьи М. Н. Покровского [Покровский М. Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1929. 17 марта – Н.Г.] и предстоящего закрытия РАНИОН все сотрудники, подготовившие диссертации, за исключением А. И. Неусыхина (о древнегерманской общине) и меня (о декабристе Н. Муравьеве) уклонились от представления своих работ» [8, с. 26].

Именно эти диссертационные истории находятся в центре нашего внимания. Важно подчеркнуть, что они не являются инерционным продолжением дореволюционной диссертационной системы, их можно оценивать в качестве апробации формирующейся советской системы степеней и званий, зародившейся в рамках аспирантской подготовки.

Обращение к этим диспутам позволяет выйти к проблеме «заполнения пустотного марксистского канона». Длительность времени подготовки диссертации и близость ее защиты к началу «великого перелома», приближение которого, безусловно, ощущалось учеными, способствует фокусированию внимания на наличии или отсутствии в работе ритуальных цитат, тональность ведения дискуссии во время диспута и т.п.

Наконец, защита диссертации рассматривается как важный момент научной/интеллектуальной биографии ученого. Диссертация в самом широком понимании (от выбора темы до самого акта защиты и его итогов) рассматривается в контексте «вхождения» ученого в научное сообщество, которое, выполняя возложенные на него экспертные функции, принимает или отвергает предлагаемую тему и ее авторское прочтение.

Путь в науку:

институциональные нормы научной жизни 1920-х гг.

Начало пути в науку героев данной статьи было достаточно типичным.

Николай Михайлович Дружинин, родившийся в 1886 г., поступил на истфил в 1904 г. и окончил его только в 1918 г. Его студенчество несколько раз прерывалось отвлечением на участие в политике или мобилизационных военных кампаниях государства. «Оставление» Дружинина при кафедре состоялось по рекомендации М. М. Богословского в 1918 г. Внешние обстоятельства оказывали значительное влияние на его научную подготовку. В отчете о своих научных занятиях за 1918–1920 гг. он замечает: «К сожалению, крайняя ограниченность времени мешала мне целиком отдаться предпринятой работе...» [10, л. 3]. Лишь в 1921 г. уже как сотрудник РАНИОН Дружинин смог продолжить свои научные занятия на относительно постоянной основе.

Александр Иосифович Неусыхин в 1918 г. после двух курсов медицинского факультета Московского университета перевелся на историко-филологический факультет (далее факультет общественных наук), который окончил в 1921 г. В Институте истории в 1922 г. он был единогласно избран научным сотрудником II разряда по секции средневековой истории [4, л. 55].

Оба историка в 1925 г. получили в РАНИОН статус аспирантов. Их случай не был чем-то уникальным. Необходимо отметить, что степень преемственности прежней и новой форм подготовки научных кадров была достаточно высокой. Из 32 «оставленных» на историко-филологическом факультете Московского университета 10 стали научными сотрудниками I разряда, 11 – научными сотрудниками 2 разряда. Еще 5 человек продолжили научную карьеру в музейных и архивных учреждениях [5, л. 1 об, 4–6, 66, 134, 170–172, 181–182; 11, л. 51; 12, л. 57–57 об, 60, 62].

Изначально ход научной подготовки в институте истории мало чем отличался от работы с «оставленными для подготовки к профессорскому званию» в дореволюционных университетах. В частности, в протоколе института истории за 1923 г. есть запись об отчете Н. М. Дружинина по русской истории «Лаврентьевская летопись как памятник летописания; Обзоры и истолкования смуты в русской историографии; происхождение, источники и содержание Соборного Уложения 1649 г.». Отчет был признан весьма удовлетворительным. Как видим, формула фиксации результата отчета и его ход являются калькой с проведения магистерских экзаменов в дореволюционных вузах.

К середине 1920-х гг. в ходе аспирантской подготовки наметился уклон в сторону изучения вопросов исторического материализма, а также новой и новейшей истории, хотя за историками, специализирующимися на древней и средневековой истории, оставили приоритетность их научных интересов [3, л. 11]. В целом можно сделать вывод, что «марксизация» всеобщей истории осуществлялась заметно медленнее.

В 1927–1928 гг. начались проверки всех аспирантов на соответствие марксистским установкам. В 1928 г. Н. М. Дружинин и А. И. Неусыхин были оценены «Тройкой» в составе А. Д. Удальцова, Е. А. Мороховца, Н. Г. Буркина и А. В. Ефимова. «Тройка» вынесла вердикт, что Дружинин закончил план подготовки в аспирантуре, и признала его марксистом [6, л. 14]. Неусыхин также был признан марксистом, хотя «не вполне выдержанным» [7, л. 5]. Такие решения позволяли историкам завершить аспирантский стаж и защитить диссертации. Отметим, что аспиранты, закончившие план подготовки, но признанные немарксистами, были отчислены из института (к примеру, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков).

Защита диссертаций состоялась только год спустя: у Неусыхина – 5 апреля, а у Дружинина – 7 мая 1929 г. При этом важно подчеркнуть, что диспуты готовились и проходили в весьма нервной обстановке. В 1929 г. Дружинин пережил критику со стороны М. Н. Покровского своей работы о «Журнале землевладельцев», а Неусыхин ранее «запятнал» себя во время известного диспута по книге Д. М. Петрушевского. Безусловно, эти факты оказали влияние на тональность диспутов, а также принятое квалификационными комиссиями решения (см. таблицу*).

Таким образом, права, полученные историками после защиты, не расширяли, а сужали поле их профессиональной деятельности. К примеру, разрешение Неусыхину вести лишь специальные семинары по теме диссертационного исследования, вызвало недоумение и протест со стороны его научного руководителя Д. М. Петрушевского. Он, будучи на тот момент директором Института истории, обратился в президиум РАНИОН с особым мнением, в котором отстаивал право своего ученика на ведение полноценных лекционных курсов, упоминая при этом, что Неусыхин успешно вел такой курс еще до защиты диссертации в университете им. К. Либкнехта [7, л. 6].

*Диссертационный диспут:
формирование нового канона научной дискуссии*

В ходе научных дискуссий второй половины 1920-х гг., в частности обсуждения книги Д. М. Петрушевского, проявился «шаблонно-сравнительный метод историографической оценки» [9, с. 37]. Его формирование Неусыхин – активный участник дискуссии – определил как «власть слов», когда наличие в тексте определенных терминов и марксистских цитат маркировало работу как правильную и идейную, их же отсутствие давало повод для обвинений в эклектизме, идеализме и «навешиванию» других враждебных идеологических ярлыков. Можно согласиться с мнением, что именно в это время в марксизме происходит свертывание методологических поисков. Хотя окончательно процесс догматизации марксизма не завершился.

Наиболее полно материалами обеспечен диспут Н. М. Дружинина, именно на нем будет сфокусировано наше внимание.

* *Примечание: Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 494. Дружинин Н. М. Л. 18; ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637. Неусыхин А. И. Л. 4, 7–8.*

Диссертация Дружинина была написана в жанре биографического исследования и посвящена декабристу Никите Муравьеву. В работе Дружинин определяет свое понимание жанра биографического исследования. Биографию человека, его жизненный путь он предлагал рассматривать в контексте «определенного места и времени», учитывая влияние на героя современных ему общественных процессов. Также Дружинин размышлял, что человек на протяжении жизни меняется, а, следовательно, необходимо изучать его жизненные схемы, «габитус» (термин, единожды встречающийся в тексте диссертации) в динамике. Такое понимание биографии вызывало различные реакции участников диспута. В частности, критика М. В. Нечкиной состояла в обвинениях Дружинина в излишнем психологизме и влюбленности в своего героя, что дало ей основание назвать работу «немарксистской» [2, л. 6 об.–7]. Неофициальный участник дискуссии С. И. Мицкевич, фактически защищая Дружинина, парировал: «Вот Ленин, вполне осознавший себя идеолог пролетариата на известной ступени развития, вначале таковым не был» [2, л. 23 об.]. Диссертант отвечал М. В. Нечкиной в том же духе: «Ведь и сам К. Маркс не сразу сделался носителем пролетарской идеологии» [2, л. 21]. Как видим, и диссертант, и оппоненты в своей аргументации апеллировали к авторитетам марксизма, а не к внутренним аргументам работы. Кроме того, в ходе обсуждения был артикулирован приемлемый с точки зрения марксизма взгляд на биографическое исследование. Второй оппонент С. С. Мильман предлагал рассматривать объект биографии как «определенный социальный тип» [2, л. 17].

В обсуждении диссертации явно видно формирование определенного канона, «трафарета» (по выражению М. В. Нечкиной), предъявляемого к марксистским исследованиям. Она говорила: «В работе Дружинина мы не видим привычной в марксистских работах главы об истории хозяйства и экономической истории классовой борьбы эпохи, главы о расстановке классовых сил эпохи и т.д.» [2, л. 8]. Отсутствие этой формальной составляющей стало дополнительным поводом для признания работы немарксистской. В то же время практика «ритуального цитирования» классиков еще не сформировалась. В диссертации Дружинина имеется единственная ссылка на работы марксистов, несколько искусственно помещенная им в заключение своего исследования [6, л. 184 об.–185]. В перечень

«классиков» были включены работы М. Н. Покровского, П. И. Лященко, Н. А. Рожкова, А. Е. Преснякова.

На диспуте проверке на соответствие марксизму подвергся не только автор диссертации и его работа (чего только стоит выкрик с места во время выступления С. С. Мильмана: «А в какой части работа марксистская?» [2, л. 20 об.]), но и оппоненты. В частности, С. И. Мицкевич, говорил о выступлениях оппонентов: «Я хотел бы высказать свое мнение об оппонентах. Прежде всего, их мнение, что т. Дружинин не марксист. Вы говорите, что его работа не марксистская. Я знаю его как выдержанного марксиста и с удивлением слушал напады оппонентов. Я думал, что они подвергнут марксистскому анализу его работу, но из того, что говорила т. Нечкина, у меня возникло представление, что она с марксизмом незнакома...» [2, л. 23 об.]

Получив по итогам диспута заключение, что он может быть использован для научно-исследовательской работы, Дружинин на некоторое время свернул свою научную деятельность. Причиной тому стал и кратковременный арест в 1930 году. В 1933 г. Дружинин опубликовал свою диссертацию, внося в ее текст, «ряд уточняющих дополнений» [8, с. 26].

* * *

На протяжении 1920-х гг. диссертационная система переживала очень серьезную трансформацию: от сохранения практики неофициальных защит, до аспирантских диспутов и полного восстановления двухступенчатой системы ученых степеней. При этом формальные процедуры организации и проведения диспута практически не изменились. Пожалуй, одним из немногих нововведений стало назначение специальной квалификационной комиссии, которая принимала решение об итогах защиты и присуждении соискателю прав в области самостоятельной научной работы и преподавания. Гораздо более значительные изменения произошли в содержательной стороне диспута, на котором стала оцениваться не только исследовательская подготовка диссертанта, его научная эрудиция, но и наличие в работе формальных моментов, подтверждавших методологическую состоятельность соискателя в области марксизма.

1. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертации историков и законодательные нормы (1860 – 1920-е гг.) // Российская история. – 2014. – № 2. – С. 77–90.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1604. Оп. 1. Д. 24.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 158.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 2. Д. 494.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637.
8. Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка // Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. – М., 1990. – С. 5–66.
9. Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. – М., 1998. – 230 с.
10. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 17.
11. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 3.
12. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. . Д. 8.

Таблица: Состав квалификационных комиссий и заключение по результатам диссертационных диспутов А. И. Неусыхина и Н. М. Дружинина

	А. И. Неусыхин	Н. М. Дружинин
Состав квалификационных комиссий		
	Д. М. Петрушевский Н. П. Грацианский А. Д. Удальцов В. П. Волгин	В. И. Невский С. С. Мильман М. В. Нечкина С. А. Пионтковский Представитель Президиума РАНИОН ²
Заключение по защите диссертации		
Оценка диссертации как самостоятельного научного исследования	Работа представляет собой самостоятельное исследовани	Диссертация дает новый материал и новые сведения о 1) борьбе внутри ложи трех добродетелей; 2) об эволюции в процессе выработки самого текста конституции; 3) анализ иностранных источников и их отражение в конституции Никиты Муравьева
Объем привлеченного для разработки диссертации материала и оценка его	Диссертант полностью проработал текстуальный материал и частично использовал выводы археологии и палеографии	Привлечен богатый и всесторонний архивный материала из различных архивов Москвы и Ленинграда вплоть до изучения личной библиотеки Никиты Муравьева
Краткое содержание диссертации и заключительного слова	Общественный строй древних германцев	Дана биография Н. Муравьева и сделана попытка анализа его социально-политических воззрений
Методологическая оценка диссертации и заключительного слова	По методологической установке диссертация, вступительное и заключительное слово свидетельствуют об эклектичности методологических воззрений автора, представляя собой переделку марксизма в духе Макса Вебера	Методологически эклектик и определенно немарксист
Работа диссертанта в течение аспирантской подготовки	Работал успешно и удовлетворительно	Удовлетворительная
Предоставление диссертанту прав		
В области самостоятельной научной работы	Может вести самостоятельную работу, но необходимо иметь в виду его методологические тенденции	Может быть использован для научно-исследовательской работы
В области преподавательской работы	Может вести в вузах специальные семинары по истории средних веков	
В области использования в Институте	Может быть зачислен в состав научных сотрудников 1 разряда	

² Установить личность представителя Президиума РАНИОН, включенного в состав квалификационной комиссии, не удалось. По свидетельству Н.М. Дружинина председателем комиссии был В.И. Невский.

Гришина Н. В. Дисертаційні диспути кінця 1920-х рр.: становлення нових дисциплінарних нормативів (на прикладі диспутів М. М. Дружиніна та О. І. Неусихіна)

Статтю присвячено вивченню трансформації дисертаційної системи протягом 1920-х рр. У ній розглядається проблема спадкоємності формування наукових кадрів у дореволюційній та радянській науці. На прикладі диспуту М.М. Дружиніна в статті аналізується проблема формування нового канону ведення наукової дискусії.

Ключові слова: наукові кадри, аспіранти, М. М. Дружинін, О. І. Неусихін, диспути, марксизм.

Grishina N. V. Dissertation debates in the late 1920s: the formation of new disciplinary standards (on the example of N. M. Druzhynin and O. I. Neusyhin's disputes)

The article is devoted to the study of the transformation of the thesis throughout the 1920s. It addresses the problem of succession of formation of scientific personnel in pre-revolutionary and Soviet science. On the example of the dispute N.M. Druzhinin, the article analyzes the problem of formation of a new canon of conducting scientific discussion.

Keywords: research staff, graduate students, N. M. Drugynyn, A. I. Neusyhin, debates, marxism.